

- Юрий Михайлович, не жалеете, что взялись за такое хлопотное и сложное дело?

- Работа, связанная с общественной деятельностью, духовно обогащает писателя, помогает лучше понять то, о чем он пишет. По моему мнению, автор, отказавшийся от любой работы, кроме писания книг, очень скоро начинает писать скучно. Не случайно Пушкин, Некрасов, Достоевский, Блок, а в советское время Твардовский - все они были редакторами и издателями.

- Работа в «Литгазете» не мешает вам заниматься писательским трудом?

- Сейчас продолжаю тему, начатую в книге «Замыслил я побег». Она впервые была напечатана в 1999 году и с тех пор выдержала пятнадцать переизданий. По роману был снят восьмисерийный художественный фильм, который прошел по ТВ. Затем появился роман «Возвращение блудного мужа». Сейчас я завершаю эту трилогию. Название третьей книги - «Грибной царь».

Я попытался проанализировать судьбу русской семьи на переломе между социализмом и капитализмом. На мой взгляд, семья - это та клетка, которая в пору исторических катаклизмов помогает выживать или приспособливаться к новой эпохе национальному организму.

- У вас немало театральных постановок. Насколько они успешны?

- Постановки идут и в Москве, и в других городах России. Недавно была премьера в Театре сатиры постановки «Хомо эректус». Эта пьеса долго шла на сцену. Она получилась настолько острой, что актеры, изучив роли, разделались на две группы и перессорились между собой - из-за идеологических разногласий. Руководителю театра Александру Ширвиндту пришлось даже полностью менять актерский состав и режиссера. Сейчас пьеса идет с успехом.

Хочется написать сатирический роман о современной политике. У меня уже было несколько таких вещей. В 1989 году - повесть «Апофегей», в которой впервые в отечественной литературе изображался Ельцин, тогда еще шедший к власти. Затем я написал политический памфлет «Демгородок», в котором сатирически изображалась Россия после 91-го. Выход этой книги совпал с событиями 1993 года, и ее даже какое-то время запрещали продавать в книжных магазинах. Позже «Демгородок» многократно переиздавался.

С тех пор прошло больше десяти лет. Накопилось много наблюдений, и мне хочется написать уже что-то о современной политической жизни России.

- Не секрет, что ваша позиция нравится не всем. Чувствуете ли вы давление со стороны чиновников?

- У нас так повелось, что над людьми консервативных взглядов принято смеяться. Другое дело либерализм. Это относится и к XIX веку, достаточно вспомнить пример Лескова. Я постоянно чувствовал давление - с момента выхода повести «Апофегей». Причем это даже не государственная политика. Это позиция чиновников, конкретных деятелей, которые исповедуют такой, я бы назвал его, глухаринный либерализм. Например, когда шел по первому каналу фильм «Замыслил я побег», то оттуда по указанию руководителя телеканала Эрнста были вырезаны все эпизоды, где можно было усмотреть какую-либо насмешку над либерально-демократическими ценностями.

- Но у нас ведь нет официальной цензуры?

- Государственная цензура перешла в ведение некоего конкретного столоничальника. Дескать, я сижу, руковожу этим процессом и, если я либерал, то буду замечать только либеральные ценности.

Когда я возглавил «Литературную газету», то столкнулся, например, с таким явлением. Предыдущие руководители газеты вводили запрет на упоминание, освещение в

Юрий Поляков:

РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ НА ЗАПАДЕ НЕ ЗНАЮТ

Творческую судьбу Юрия Полякова можно назвать счастливой. Все его произведения получали признание читателей: о них говорили, по ним снимали фильмы и ставили спектакли, а некоторые книги, что тоже символично, попадали в «черные списки» и находились под негласным запретом. Секрет Юрия Полякова настолько же прост, насколько и сложен. Он всегда пишет о том, что действительно волнует людей. Его активная жизненная позиция выразилась и в том, что он, будучи успешным автором, чьи книги ждут издатели и читатели, взвалил на себя нелегкое бремя - возглавил «Литературную газету». С вопроса на эту тему мы и начали беседу.

газете деятельности писателей традиционного направления. Я обнаружил, что в течение десяти лет в «Литературке» ни разу не упоминалось имя Валентина Распутина. Как будто такого писателя у нас вообще нет! Можно привести и другие примеры.

Когда я пришел в газету, то первым делом сказал: у нас не будет ограничений. Писатели интересны тем, что они создают литературу. С тех пор мы освещаем творчество всех писателей, вне зависимости от того, каких взглядов они придерживаются. И читатель приветствует такое отношение. В три раза за четыре года увеличился тираж газеты. Это лучший показатель того, как читатель относится к нашей позиции. Он выбирает объективную картину, а не то, что ему хотел бы предложить на свой вкус чиновник.

- Вы ездите за границу, принимаете участие в различных литературных форумах. Как встречают наших литераторов за рубежом?

- К сожалению, писательские делегации формируются теми же чиновниками. И очень часто читающая аудитория на Западе получает неверное представление о том, кого сегодня действительно читают в России, кто имеет реальный литературный авторитет. На недавней выставке в Париже организаторы российской делегации собрали писателей, которые абсолютно не отражали реального положения дел в нашей сегодняшней литературе.

- Нынче часто говорят о недостатках нашей литературы, критикуют писателей за отступление от традиций, излишнюю коммерциализацию. Чем действительно больна современная литература и больна ли вообще?

- На мой взгляд, чем писатель глубже укоренен в проблемы своей страны (проблемы самые разные - социальные, политические, экономические, нравственные, духовные), тем он интереснее. И если мы возьмем гигантов XIX и XX веков, то увидим: чем они глубже отразили эти проблемы, тем они интереснее и сегодня. Сейчас, к сожалению, большую силу набрала и активно пропагандируется, в том числе и государственными структурами - такими, например, как Министерство культуры, литература, которую я бы назвал премиально-экспортно-экспериментальной. Такой писатель пишет не о том, что на самом деле его волнует, а сочиняет то, за что можно получить премию, грант, приглашение на Запад, можно заключить договоры на переводы... В принципе он выполняет все тот же

социальный заказ. И по безнравственности отношения к литературе это ничем не отличается от худшего варианта социалистического реализма. Хотя идеология в данном случае имеет обратный знак. Эта писанина абсолютно не востребована. Ее не читают. Но именно она

дожественного произведения, и создание симулякра*, требуют совершенно разного расхода духовной энергии. У большинства современных писателей, которые обходятся не талантом, а филологическим образованием, основное место работы не за письменным

подается сегодня как вершина современной российской словесности, что заметно уродует молодых писателей. Они, вступая в литературу, уже знают, что если критик или зарубежный издатель заметят в книге хотя бы намек на любовь и уважение к Отечеству, то о премиях и поездках за рубеж можно забыть.

- Что общего сегодня вы видите в развитии мировой и отечественной литературы?

- Есть одна проблема, которая, на мой взгляд, становится все заметнее и для западной цивилизации, и для нас, поскольку русская литература также принадлежит к западной цивилизации. Это проблема отсутствия художественного таланта и подмена его филологическим образованием. Когда профессиональная подготовка выдается за литературный дар.

Мне кажется, это явление очень серьезно. Оно отражает то, что покойный философ Панарин, один из крупнейших современных российских мыслителей, называл «эпохой гедонистического общества». Создание действительно ху-

столом, а за столиками на фуршеттах и презентациях. Их труд не требует огромных затрат сил, времени и таланта.

А читателей сбивают с толку, выдавая откровенные филологические поделки за произведения литературы, которыми они на самом деле не являются. К сожалению, гедонистической экономии духовных сил подвержены и западные критики, русисты. Потому что серьезный анализ сложного, настоящего художественного текста требует колоссальной подготовки и специальных знаний. А анализ симулякра ничего этого не предполагает. Поэтому, может быть, даже подсознательно, для анализа современных литературных тенденций западные слависты выбирают поделки, игнорируя серьезную русскую литературу.

Достаточно сказать, что в современной западной славистике нет серьезных работ ни по творчеству Юрия Кузнецова, ни по произведениям Владимира Соколова. Зато есть работы по сочинениям Пригова и Рубинштейна, которые и поэзией-то не являются. Это такой перформанс для развлечения выпившей на фуршете публики. Но все попытки разяснить ситуацию наталкиваются на сложившуюся традицию. То есть талант выводится за скобки не только внутри отечественной литературы, но и в масштабах всей западной критики.

- Литературные журналы всегда были чем-то вроде путевого проводника образованного читателя. Они помогали открыть новые имена, лучше понять масштаб уже известных величин. Что сейчас происходит с так называемыми толстыми журналами?

- Я считаю, что госчиновник не имеет права вмешиваться в литературный процесс. Ему не дано право кого-то любить или не любить. И «Литературная газета» не раз выступала по этому поводу, критиковала Михаила Швыдкого за его позицию в отношении журнала «Нева». Швыдкой может кого-то не принимать как критик, но как госчиновник свои симпатии или антипатии должен держать при себе. И надо сказать, что эту акцию «Литгазета» довела до логического завершения. Была изменена финансовая политика в отношении журналов «Наш современник» и «Нева». Но Швыдкой ушел, и нам нужно начинать эту работу заново...

Если же говорить о проблеме толстых журналов, причинах потери их авторитета, то нужно отметить, что такие издания всегда возглавляли крупные писатели (вспомните того же Твардовского). Они приходили в журнал, приносили свое имя, свою позицию. Сейчас за редким исключением журналы возглавляют никому неизвестные литераторы. И «Новый мир», и «Октябрь», и «Знамя»... Одни из руководителей вообще не писатели, другие если и писатели, то ничего выдающегося не создавшие. Не случайно тираж этих журналов сегодня составляет от силы пять-шесть тысяч.

- Юрий Михайлович, вы говорили о романе «Грибной царь», завершающем трилогию. Когда он появится в книжных магазинах?

- Книга будет представлена читателям на осенней международной книжной ярмарке в Москве.

Беседу вел
Николай МОДЕСТОВ

* Симулякр - образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинности; пустая форма, артефакт, основанный лишь на «собственной» реальности (прим. авт.).

Поляков Юрий
14.04.2005